Varia

Обзорная статья / Review Article

Эволюция культуры и экспансия искусственного интеллекта как вызовы системе государственного управления

Александр С. Юхно*,**

https://orcid.org/0000-0003-2999-2982

Александр И. Агеев*

https://orcid.org/0000-0002-2826-2702

* Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Российская Федерация

** Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Российская Федерация

Рекомендация для цитирования:
Юхно А. С., Агеев А. И. (2025) Эволюция культуры и экспансия искусственного интеллекта как вызовы системе государственного управления. *Социология власти*, 37 (4): 295-319
EDN: XEZJFA

For citation:
Yukhno A. S., Ageev A. I. (2025) Cultural Evolution and the Expansion of Artificial Intelligence as Challenges to the Public Administration System. *Sociology of Power*, 37 (4): 295-319

Поступила в редакцию: 02.11.2025; прошла рецензирование: 13.11.2025; принята в печать: 19.11.2025
Received: 02.11.2025; Revised: 13.11.2025; Accepted: 19.11.2025

© Authors, 2025
This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Резюме: Современные системы государственного управления характеризуются значительной институциональной инерцией, обусловленной исторически сложившимися практиками, что ограничивает их способность к оперативной трансформации. Однако стремительная экспансия технологий искусственного интеллекта (ИИ) и углубление глобальной неопределенности требуют принципиально новых подходов к стратегическому управлению, адекватных вызовам современности. На основе междисциплинарного анализа, включающего осмысление эволюции управленческих парадигм и сложных систем, исследование обосновывает, что формирование будущих систем управления будет определяться не только стратегическим планированием, но и тактической адаптацией к изменяющимся условиям. В работе: (а) выявлена управленческая дилемма необходимости одновременного сохранения работоспособности существующих систем управления, их адаптации к цифровым технологиям и формирования стратегического видения будущего; (б) обосновано,

что экспансия ИИ, особенно генеративных моделей, трансформирует культурные коды и ценностные установки, незаметно изменяя массовое сознание и практики управления; (в) аргументировано, что стратегическое управление в условиях цифровой трансформации требует принципиального разграничения между алгоритмизируемыми операционными задачами и сферой ценностно-смысловых решений, остающейся прерогативой человеческого интеллекта. Главный вывод заключается в том, что ответственное внедрение ИИ в государственное управление требует преодоления технологического подхода и учета культурных последствий. Результаты исследования могут быть полезны государственным служащим и разработчикам стратегий цифровых трансформаций, учитывающих взаимовлияние технологических, управленческих и ценностных факторов, а также академическому сообществу для дальнейшей разработки теорий управления в условиях технологической сингулярности.

Ключевые слова: государственное управление, искусственный интеллект, культура, культурный код, онтология управления, суверенитет, ценности, цифровая трансформация

Cultural Evolution and the Expansion of Artificial Intelligence as Challenges to the Public Administration System

Alexander S. Yukhno*,**
https://orcid.org/0000-0003-2999-2982
Alexander I. Ageev*
https://orcid.org/0000-0002-2826-2702

* State Academic University of Humanities, Moscow, Russian Federation
** Russian Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

Abstract: Modern public administration systems are characterized by significant institutional inertia due to historically established practices, which limits their ability to transform operationally. However, the rapid expansion of artificial intelligence (AI) technologies and the deepening of global uncertainty require fundamentally new approaches to strategic management that are adequate to the challenges of our time. Based on interdisciplinary ontological analysis, which includes understanding the evolution of management paradigms and complex systems, the study proves that the formation of future management systems will be determined not only by strategic planning, but also by tactical adaptation to changing conditions. The paper reveals the managerial dilemma of the need to simultaneously maintain the operability of existing management systems, adapt them to digital technologies and form a strategic vision for the future; (b) it is proved that the expansion of AI, especially generative models, transforms cultural codes and value attitudes, imperceptibly changing mass consciousness and management practices; (c) it is argued that strategic management in

the context of digital transformation requires a fundamental distinction between algorithmized operational tasks and the sphere of value-semantic solutions, which remains the prerogative of human intelligence. The main conclusion is that responsible implementation of AI in public administration requires overcoming the technological approach and considering the deep ontological and cultural consequences. The research results may be useful to government officials and developers of digital transformation strategies that consider the interaction of technological, managerial and value factors, as well as to the academic community for further development of management theories in the context of technological singularity.

Keywords: public administration, artificial intelligence, culture, cultural code, management ontology, sovereignty, values, digital transformation

Введение

Сформированные в ответ на исторические вызовы, системы управления обладают значительной инерционностью, обусловленной сложившейся институциональной средой, технологической базой, кадровым потенциалом и укоренившимися управленческими практиками. Это наследие прошлого ограничивает их способность к оперативной трансформации. Конфигурация перспективных систем управления, включая состав субъектов и объектов, а также инструментальную базу, не может быть детерминирована однозначно и подлежит описанию исключительно в вероятностных категориях посредством методов сценарного проектирования. Следовательно, их формирование будет определяться не только стратегическим планированием и последовательной реализацией решений, но и необходимостью тактической адаптации субъектов управления к изменяющимся условиям.

Возникающая управленческая дилемма состоит в необходимости совмещения зачастую противоречащих друг другу императивов: сохранения преемственности и следования исторически сложившимся практикам, с одной стороны, и обеспечения гибкой адаптации к новым технологическим возможностям и все более разнородным социокультурным и этическим нормативам — с другой, при одновременной выработке опережающего видения будущих задач и архитектуры системы управления.

Данное противоречие оказывает существенное влияние на восприятие стратегических целей, оценку ресурсов для их достижения и расстановку управленческих приоритетов. Ситуация осложняется доминированием оперативных задач, требующих немедленного вмешательства. В результате долгосрочное планирование оказывается в значительной степени зависимым от решения текущих проблем, что создает системные барьеры для разработки и реализа-

ции комплексных стратегических преобразований. Попытки разрешения указанных дилемм нашли свое отражение в реализации национальных проектов, федеральных программ, создании институтов развития, а также в деятельности, направленной на формирование новых мировоззренческих парадигм. Вне зависимости от итоговой оценки эффективности данных мер, они представляют собой реакцию на более фундаментальный вызов (подробнее см.: Мэтьюз, Агеев, Большаков 2003). К числу наиболее критичных вызовов системе государственного управления относятся как минимум три фактора: переживаемый глобальный (фазовый) кризис, экспансия технологий искусственного интеллекта (Сплетенный мир 2023) и трансформация культурно-мировоззренческих ориентаций в обществе. Их синергетическое воздействие многократно увеличивает комплексность и неопределенность управленческой среды, что обусловливает необходимость детального анализа отдельных аспектов данной проблематики.

Далее рассматриваются вопросы эволюции культуры и системы искусственного интеллекта. Рассмотрение их взаимосвязи представляется критически важным, поскольку технологии глубокого изучения нейронных сетей, как одной из самых быстро развивающихся систем ИИ, происходят в сложной культурной среде. Ее искусственное сужение по тем или иным основаниям, упрощение создает серьезные риски примитивизации поисковых инструментов и, соответственно, рекомендательных решений.

Внешняя и внутренняя динамика кризиса

В рамках теории сложности (синергетики) еще в 1960-е годы была описана проблема зависимости от траектории предшествующего развития («path dependence»), отражающая влияние исторической инерции на динамику сложных систем. Данный феномен оказывает существенное воздействие на формирование управленческих стратегий и тактик, проявляясь как во внешней, так и во внутренней динамике управляющих систем и определяя тем самым границы возможного для управленческой деятельности.

Внешнее влияние «пройденного пути» на развитие государственного управления в России определяется как минимум двумя ключевыми обстоятельствами. Во-первых, это фактический статус, который Россия стремилась занять и укрепить в глобальной системе координат в экономической, технологической, гуманитарной и политической сферах после распада СССР. Ключевым критерием оценки этого статуса выступал уровень суверенитета страны. До 2022 года доминировала логика внешнего позиционирования, основанная на стремлении интегрироваться в западное цивилизационное

пространство. Эта парадигма, сформировавшаяся после распада СССР в рамках развития российской государственности, находила выражение во внешнеполитическом курсе, социально-экономических реформах, трансформации социальных институтов, а также в формировании новых мировоззренческих ориентиров и моделей поведения. Установка на «вестернизацию» до определенного момента оставалась доминирующей и оказывала системное влияние на государственное управление и экономическую политику. Ограничения этой логики были открыто провозглашены в 2007 году в ходе так называемой «мюнхенской речи» В. В. Путина. При этом первые серьезные признаки разочарования в западных «партнерах» проявились еще в 1997 году, когда российское руководство в рамках «Большой восьмерки» заявило протест против расширения НАТО и подготовки военной агрессии против Белграда (Приходько, Шевченко 2011).

Начало специальной военной операции (СВО) ознаменовало формирование стратегического курса на укрепление суверенитета и отстаивание жизненно важных интересов Российской Федерации с использованием расширенного спектра инструментов, включая военно-технические. При этом необходимо различать декларируемые стратегические цели, в частности, технологический и экономический суверенитет, закрепленные в нормативных документах высшего уровня, и фактическое состояние суверенности в различных секторах экономики. Так, например, в экономической сфере это проявляется в параметрах импортозависимости от недружественных государств, динамике импортозамещения и доступности аналогичной продукции на альтернативных рынках. В технологической области — отражается в потенциале самостоятельной разработки, производства и внедрения решений в сфере цифровых технологий и искусственного интеллекта, а также в устойчивости критической информационной инфраструктуры к внешним деструктивным воздействиям. Особое значение приобретает комплексное решение задач стратегической безопасности, одним из инструментов которого является проведение СВО.

Целевое состояние, которое Россия стремится занять в архитектуре миропорядка, во многом детерминирует вектор трансформации ее системы государственного управления, что осложняется ее участием в интеграционных объединениях, таких как Союзное государство, ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, а также обязательствами перед ВТО. Данная взаимосвязь обусловливает методологическую несостоятельность анализа системы государственного управления вне глобального контекста, поскольку игнорирование стратегических целей, национальных интересов и конкретных форм международ-

ного присутствия страны приводит к искажению ее институциональной логики и характера происходящих в ней изменений.

Существенное влияние на эволюцию систем государственного управления оказывают общие тенденции всеобъемлющей трансформации современного общества, эпицентром и ключевым драйвером которой выступает стремительная экспансия систем искусственного интеллекта (СИИ) (Юхно 2020). Она создает принципиально новые условия для научно-производственной кооперации, международного разделения труда и формирования макрорегионов. Параллельно на трансформацию управленческих моделей воздействует комплекс иных факторов, включая нормативное влияние международно-признанных метрик, таких как показатели Целей устойчивого развития ООН, опыт, полученный в ходе реагирования на пандемию COVID-19 (2020–2021 гг.), стратегии адаптации к санкционному давлению, а также расширение «серых зон» в глобальной экономической деятельности. Анализ и системный учет данных факторов создают основу для разработки более эффективных стратегий развития, формирования адресных механизмов преодоления институционального и структурного сопротивления изменениям, а также для создания условий поступательной и устойчивой трансформации системы государственного управления.

Внутренний аспект «зависимости от траектории предшествующего развития» в эволюции систем управления детерминирован базовыми социально-демографическими, правовыми и экономическими структурами, сформировавшимися в результате длительного исторического развития, радикальных социально-экономических трансформаций последних четырех десятилетий и адаптации к текущим вызовам. К числу ключевых структурных факторов относятся динамика рождаемости и смертности, ожидаемая продолжительность жизни, миграционное сальдо, распределение прав собственности, концентрация богатства и доходов, а также модели пространственного развития страны. Совокупное воздействие этих взаимосвязанных факторов формирует сложный каркас ограничений и возможностей, предопределяющий стратегические направления, приоритеты и конкретные механизмы реализации государственной политики, включая разработку и осуществление национальных проектов.

Анализ зависимости от пройденного пути выявляет критическую роль социального выбора, осуществленного при более или менее активном участии всех ключевых общественных групп. Данный выбор, сделанный в конце 1980-х — начале 1990-х гг., сформировал текущую парадигму текущего государственного управления, с ее последующими корректировками в ходе парирования внутренних и внешних вызовов, носил не одномоментный, а про-

тяженный во времени характер и стал фундаментальным фактором формирования современной российской государственности. Его процесс включал в себя как стихийную адаптацию к возникающим вызовам, так и целенаправленное заимствование и имплантацию социально-экономических институтов, в том числе конкретных моделей организации экономики и систем метрики ее развития.

Совокупное действие указанных факторов сформировало относительно устойчивый коридор возможностей для эволюции государственного управления в России. Однако дестабилизация глобальной архитектуры и интенсивная трансформация миропорядка, осуществляемая с применением не только ограничительных экономических практик, но и силовых инструментов, привели к радикальному расширению спектра потенциальных траекторий как глобального, так и национального развития России.

В целом текущий всеобъемлющий глобальный кризис сравним с 30-летним периодом между началом Первой мировой и окончанием Второй мировой войны (см. подробнее: Агеев 2016б). Указанный исторический интервал характеризовался силовой реструктуризацией мировой экономики и формированием новых международных политико-экономических институтов в ответ на нарастающие дисбалансы в торговой и валютно-финансовой сферах. Данный процесс завершился разделом мира на сферы влияния великих держав. С начала XXI века, по мере нарастания мощи и субъектности новых центров силы, включая Россию, Китай и другие страны, действующий гегемон, стремясь сохранить доминирование, объективно заинтересован в подрыве, переориентации и дезориентации региональных центров силы, а также в провоцировании нестабильности в отдельных регионах, странах и отраслях. Стратегия глобального доминирования предполагает достижение «тотальной осведомленности» и «информационно-кибернетического превосходства», что выражается в активной разработке и внедрении автоматизированных систем мониторинга, оценки и прогнозирования международной обстановки с применением технологий искусственного интеллекта. При этом в основе стратегических планов лежит не только экономическое или военное превосходство, но и претензия на реализацию универсальных «цивилизационных концептов», что предполагает прямое воздействие на культурные коды и ценностные ориентации обществ. Таким образом, современная глобальная конкуренция выходит за рамки рыночных механизмов.

Совокупность указанных факторов оказывает воздействие на систему государственного управления Российской Федерации, детерминируя трансформацию ее стратегического планирования, императивов национальной безопасности и иерархии жизненно важных ценностей, что актуализирует необходимость выработки адекват-

ных и комплексных ответных мер. В данном контексте предметом последующего анализа выступают онтологические аспекты экспансии систем искусственного интеллекта, определяющие их интеграцию в социальные практики и архитектуру управленческих систем.

Сущность искусственного и естественного интеллекта

Использование систем искусственного интеллекта (СИИ) утвердилось в качестве ключевого тренда в области государственного и корпоративного управления и рассматривается как одна из наиболее универсальных и всеобъемлющих технологий современности (Городничев и др. 2020). За последние годы ведущими странами мира был накоплен значительный эмпирический опыт их внедрения. Существенный импульс распространению этих технологий придала управленческая и информационная ситуация, сложившаяся в период пандемии COVID-19 (2020–2021 гг.), которая актуализировала потребность в автоматизации управления ресурсами и повышении эффективности решений, регулирующих поведение больших социальных групп. Период 2023–2025 годов ознаменован переходом к новой фазе их применения, характеризующейся интеграцией в военные и гражданские сферы на качественно новом уровне. Данный переход порождает комплекс теоретических вызовов, включая необходимость переосмысления самого понятия «искусственный интеллект», оценки текущей стадии его жизненного цикла и анализа глубинной трансформации государственного управления в формирующейся технологической реальности.

В настоящее время отсутствует общепринятое определение искусственного интеллекта, несмотря на принятие множества международных и национальных стандартов, включая более 30 стандартов Технического комитета ИСО/МЭК 42 и российского ТК 164, которые устанавливают базовые определения и области применения искусственного интеллекта. Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта существенно опережает формирование соответствующей нормативно-правовой базы. Данное отставание создает значительные риски, включая не только некорректное толкование понятия искусственного интеллекта и, как следствие, недобросовестное или некомпетентное отнесение к нему продуктов и услуг, не соответствующих его сущности, но и формирование слаборегулируемых или полностью нерегулируемых сегментов разработки и применения соответствующих технологий, в том числе в противоправных целях. Ярким примером данной проблемы являются вызовы, связанные со сбором, хранением и оборотом пер-

сональных данных различных категорий, включая метаданные, как уполномоченными, так и неуполномоченными операторами баз данных. Особую актуальность приобретает проблематика обеспечения «доверенного» ИИ. Отдельного внимания требует вопрос правового и технологического регулирования деятельности социальных сетей, мессенджеров, языковых моделей, а также противодействия несанкционированному перехвату сообщений (Hernandez et al. 2022).

Современные подходы к определению СИИ, применяемые для конкретных целей, формируются преимущественно дедуктивным, индуктивным, функциональным методами, а также через установление родовидовых отличий или отрицание. В связи с этим методологически обоснованным представляется обращение к более общему понятию интеллекта как основе для выработки сущностного определения искусственного интеллекта.

Текущее понимание «интеллекта» характеризуется множественностью трактовок, среди которых можно выделить три ключевых подхода: информационно-содержательный, рассматривающий интеллект как структурированную базу знаний с параметрами объема, разнообразия, актуальности и компетентностной глубины; операционно-процессуальный, акцентирующий роль системы мыслительных операций, таких как анализ, синтез и обобщение, где скорость и эффективность переработки информации выступают критериями развития интеллекта; и метакогнитивный, фокусирующийся на механизмах ментального самоуправления и организации ментального опыта (Там же, с. 429–430).

Определения интеллекта варьируются в зависимости от предметной области и контекста применения. Наиболее универсальное современное определение акцентирует его как способность к познавательной деятельности и эффективному решению проблем, особенно в условиях освоения новых, ранее незнакомых задач.

Эпицентр современной дискуссии о границах искусственного интеллекта сместился в область алгоритмов, которые становятся понятийным водоразделом между собственно интеллектуальными процессами и автоматизацией (Каляев 2019; Каляев 2024). Алгоритмы выступают центральным элементом в понимании и развитии СИИ, определяя не только их технические возможности, но и этические рамки применения. С точки зрения математики и кибернетики класс задач считается решенным, если для него установлен алгоритм решения, что делает нахождение таких алгоритмов фундаментальной целью человеческой деятельности.

Примечательно, что развитие культуры также может быть описано как накопление алгоритмов, стереотипов, рутин для решения различных проблем, где задача культуры, включая социализацию

и образование, заключается в воспроизводстве знаний с их постоянной актуализацией, выбраковкой устаревших решений и созданием новых. Задачи, для которых алгоритмы еще не обнаружены и которые требуют усилия, изобретательности и проницательности человеческого ума, относятся к категории интеллектуальных. Соответственно, в строгом смысле именно этот класс задач составляет предметную область СИИ, в то время как сферы с установленными алгоритмическими решениями относятся к автоматизации (Там же).

В «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»[1] представлено прагматичное определение ИИ как комплекса технологических решений, имитирующих когнитивные функции человека, включая способность к самообучению и поиску решений без заранее заданного алгоритма, и обеспечивающих достижение результатов, сопоставимых с результатами человеческой интеллектуальной деятельности. Данный комплекс включает информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение, в том числе с применением методов машинного обучения, а также процессы и сервисы по обработке данных и выработке решений. Технологии ИИ раскрываются через ключевые компоненты, такие как компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, системы интеллектуальной поддержки принятия решений.

К перспективным методам искусственного интеллекта отнесены технологии, нацеленные на создание принципиально новой продукции и разработку сильного ИИ, включая автономное решение задач, автоматический дизайн физических объектов, автоматическое машинное обучение, работу с малыми данными, обработку информации на новых вычислительных системах и интерпретируемую обработку данных. Стандарт ISO CD 22989 акцентирует дисциплинарный аспект, определяя ИИ как область знаний, изучающую инженерные системы, способные приобретать, обрабатывать и применять знания и опыт. При этом ИИ как научная дисциплина включает в себя машинное обучение, в том числе глубокое обучение, обучение с подкреплением; машинное мышление, включая прогнозирование, планирование, представление знаний, рассуждение, поиск и оптимизацию; робототехнику, включая управление, восприятие, сенсорику; и интеграцию всех других методов в ки-

1 Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»)

берфизические системы. Сравнительный анализ показывает, что национальные и международные документы тяготеют к схожим рабочим определениям, сочетающим технологическую конкретику с акцентом на функциональные возможности систем, что отражает прикладной характер современного этапа.

Сформировавшийся концептуальный консенсус в трактовке искусственного интеллекта как научной дисциплины и технологического комплекса позволяет рассматривать СИИ в качестве ключевой инновации в эволюции систем управления. При этом закрепленная в национальном стандарте классификация обеспечивает сравнительный анализ решений ИИ по параметрам вида деятельности, структуры знаний, функций контура управления, безопасности, конфиденциальности, степени автоматизации, методов обработки информации, интероперабельности, комплексности системы, архитектуры и специализации[1] (Кукшев 2020/1). Особое внимание уделяется практическим аспектам его внедрения, включая доверие к ИИ («trustworthiness»), охватывающее уверенность заинтересованных сторон в способности систем выполнять задачи с требуемым качеством и безопасностью; киберфизическим системам («cyber-physical system»), интегрирующим датчики, оборудование и информационные системы в сквозные управленческие контуры для создания добавленной стоимости за рамками отдельного предприятия; и нейротехнологиям, направленным на изучение и усиление работы мозга и высшей нервной деятельности. При этом нормативная база, регламентирующая взаимодействие операторов сложных систем с обществом, начала формироваться еще с 2009 года (Овчинников 2017; Raikov, Pirani 2022)[2], что подчеркивает долгосрочный характер развития данной области и закладывает основу для ответственного внедрения технологий ИИ в критически важные сферы управления.

Историческая динамика развития искусственного интеллекта характеризуется чередованием периодов интенсивного роста, сопровождающегося значительными инвестициями, и этапов стагнации, связанных с неоправдавшимися ожиданиями. Уже в 1960-е годы в научной, технической и управленческой сферах ставились сложные задачи, часть которых не была решена как вследствие недостаточной вычислительной мощности и производительности

1 Оценка качества систем искусственного интеллекта. Общие положения. ГОСТР 59898–2021. М.: Российский институт стандартизации, 2021.

2 Ноон-технологии в технической деятельности. ГОСТ Р 43.0.3–2009. М.: Стандартинформ, 2018.
Компьютерные модели и моделирование. Цифровые двойники изделий. М.: Российский институт стандартизации, ГОСТР 57700.37-2021. М., 2021.

компьютеров, так и в силу социально-экономических факторов. В настоящее время наблюдается новый всплеск интереса к СИИ, обусловленный технологическим прогрессом (Овчинников 2018).

С точки зрения эволюции поколений искусственного интеллекта текущий этап соответствует тестированию систем четвертого поколения в рамках шестиуровневой классификации, основанной на критериях ограниченности доменов применения и характера целеполагания. На этом уровне системы ИИ предпринимают попытки использовать данные за пределами целевого домена и корректировать цели пользователя или разработчика (Кукшев 2020/1). Системы шестого поколения, условно обозначаемые как «сильный ИИ», будут способны к самостоятельному формулированию целей и работе с любыми типами данных, включая защищенные информации. В отличие от них, современные и предыдущие технологии относятся к категории «слабого ИИ» или занимают промежуточное положение между «слабым» и «сильным» искусственным интеллектом.

Проведенное исследование готовности управленческой практики к осознанию ключевых рисков цифровизации выявило следующие результаты (Агеев 2018). Наибольшую угрозу респонденты связывают с различными видами киберугроз (показатель значимости, включая кибертерроризм, кибершпионаж и кибепреступность, — 53,8%). Существенно ниже оцениваются риски деградации естественного интеллекта, включая интеллектуальную зависимость от цифровой техники, формирование неадекватных представлений о мире, заимствование ценностей и потребностей из цифровых шаблонов (24,7%), транснационального характера конкуренции (23%) и цифровой трансформации государства и общества (22,5%). Существенно, что по второй, третьей и четвертой угрозам из перечисленных имеют показатель низкой готовности их парировать, в отличие от первой, в отношении которой есть понимание и средства противодействия. Причем последние два фактора воспринимаются не только как угрозы, но и как возможности при условии эффективного управления. Характерно, что деградация естественного интеллекта, вторая по значимости угроза, до сих пор не нашла системного отражения в управленческих процессах. Действия государства в области реформирования образования, информационной политики и укрепления традиционных ценностей можно рассматривать как частичный ответ на этот вызов. Киберугрозы и деградация естественного интеллекта представляют собой взаимосвязанные факторы, оказывающие взаимно усиливающее воздействие. Массовое кибермошенничество, использующее утечки данных и уязвимости глобальной цифровой инфраструктуры, не только обнажает остроту проблемы, но и раскрывает ключевой механизм ее эскалации.

Рост кибератак подрывает доверие не только к цифровым сервисам, но и к институтам государственного управления. Таким образом, внедрение СИИ потребует глубоких преобразований в системе управления на всех уровнях. Однако эта работа рискует стать фрагментарной и малоэффективной при отсутствии единого понятийного поля, согласованного управленческого языка и общего семантического пространства для разработки новых стандартов и систем управления. Представляется, что главный вызов в этой области связан с глубинными процессами эволюции культуры в условиях цифровой эволюции.

Эволюция культуры

Воспроизводство ценностно-мотивационных компонентов общественной жизни происходит преимущественно стихийно, эволюционным путем, а также под воздействием политико-идеологических, духовно-правовых и религиозных институтов, которые предпринимали последовательные и зачастую эффективные попытки целенаправленного формирования целевого культурного порядка. С середины XIX века воздействие на культурные основания общественной жизни приобретает непрерывный и массовый характер, превращаясь в хорошо скоординированную и приоритетную стратегию, реализуемую ведущими державами мира. Итоги Первой мировой войны, приведшей к глубоким внутренним потрясениям, побудили великие державы к новому общественному самоопределению. Это выразилось в поиске «национальных идей», которые бы позволили осмыслить последствия войны и революций, а также адаптироваться к кризису колониального миропорядка. Это явление не ограничилось СССР, создавшим централизованную систему планирования и осуществившим «культурную революцию» параллельно с индустриализацией и коллективизацией. В США в 1920-е годы была реализована стратегия «нормальсии» (Рамзес 1985), сформировавшая ключевые ценности «американской мечты» и соответствующие паттерны мировоззрения и поведения. В Германии, потерпевшей поражение в Первой мировой войне и подвергнутой тяжелым репарациям, кризисная ситуация спровоцировала рост влияния нацистской идеологии, приведший к тотальному контролю над ценностными, мотивационными и поведенческими аспектами общества. В колонизированных регионах, занимавших большую часть политической карты мира, возникли разнородные национально-освободительные движения, сформировавшие пеструю политическую культуру с сильным социалистическим компонентом. Эти трансформации оказали существенное влияние на политическое, идеологическое и цивилизационное самоопреде-

ление зависимых стран и территорий, задав новые векторы их развития.

В контексте понимания культуры как саморазвивающегося феномена и одновременно объекта управления необходимо учитывать три фундаментальных обстоятельства.

Во-первых, культура, являясь продуктом коллективной жизнедеятельности, функционирует как своего рода социальный генофонд (Агеев 2016а), объединяющий предметные и деятельностные паттерны общества. Этот генофонд обладает разнообразными институтами трансляции опыта, такими как образование, традиции, медиа, которые задают индивидам и институтам «культурные коды», в частности, шаблоны мышления, чувствования и поведения. Однако культура не сводится к механическому воспроизводству, поскольку предполагает способность к обучению, адаптации и постоянному обновлению структуры социальной памяти. Этот процесс характеризуется сложным взаимодействием ценностных комплексов, что обеспечивает как преемственность, так и эволюционную изменчивость. В культуре накапливается опыт множества формировавших ее поколений по осознанию себя и мира, приспособлению к окружающей среде и устроительству внутренней жизни, разрешению конфликтов и стремлению к идеалам.

Во-вторых, существование культуры как идеального феномена материализуется исключительно через деятельность людей. Именно в таких практиках, как восприятие, воспроизводство, трансформация и создание новых образцов, проявляется ее реальность и динамика. Культура не существует вне актов ее актуализации в индивидуальном и коллективном действии.

В-третьих, развитие культуры подчиняется принципам, аналогичным естественному отбору. Различные культурные коды и поведенческие паттерны конкурируют за доминирование, и выживают те из них, которые наиболее эффективно обеспечивают жизненные цели общности в конкретных исторических условиях. Ценности, не прошедшие этот эволюционный фильтр, архивируются или исчезают, превращаясь в культурные реликты. Этот процесс обеспечивает адаптивность общества к изменяющимся внешним и внутренним вызовам. Таким образом, культура представляет собой диалектическое единство стихийной эволюции и целенаправленного управления, где механизмы наследования постоянно корректируются через практики адаптации и отбора.

Подавление органических процессов развития культуры, будь то извне или изнутри общности, ведет к ее системной деградации, а нередко и к полной ее потере. Особую актуальность приобретает целенаправленное формирование общественной культуры, доминирующих ценностных установок и поведенческих

паттернов с применением цифровых технологий, биотехнологий и генной инженерии, что открывает беспрецедентные возможности для социальной инженерии, но одновременно создает риски манипуляции и эрозии традиционных культурных механизмов. В культуре кристаллизуются наиболее жизнеспособные образцы мышления, действий и взаимоотношений, отобранные как естественным ходом общественного развития, так и сознательными усилиями заинтересованных групп. Эти образцы формируют незаменимый моральный и мотивационный ресурс развития. Однако культурное наследие неоднородно и включает компоненты, способные играть деструктивную роль в конкретных исторических условиях или на длительных временных интервалах. Наиболее отчетливо эта двойственность проявляется в динамике преступности и правоохранительной деятельности, где культурные факторы могут как препятствовать, так и способствовать девиантному поведению.

С позиций системного подхода возможно выделение трех фундаментальных свойств культуры, синтезирующих существующий научный концептуальный аппарат (см.: Агеев 1991; Агеев 2016а).

1. Аккумулятивность — способность культурной общности к сохранению и интеграции исторически выработанных способов деятельности, предметных форм и моделей взаимодействия, как собственных, так и заимствованных у других общностей. Метафорически это свойство может быть описано как формирование расширяющейся «библиотеки культурных форм», обеспечивающей полиморфизм социального бытия. В современном контексте данная библиотека подвергается масштабной оцифровке, что создает как новые возможности сохранения наследия, так и риски манипуляции.

2. Изменчивость — способность культуры к селективному обогащению и трансформации традиций в ответ на вызовы внешней среды и внутренние динамические процессы. Это свойство обеспечивает адаптивность общества через механизмы отбора и интеграции новых элементов.

3. Организованность (мобилизационный потенциал) — способность общности к самоорганизации для поддержания и развития аккумулятивности и изменчивости. Данное свойство проявляется в степени институционализации основных «культурных кодов», контроле над процессами социализации и эффективности механизмов воспроизводства культурных норм. Возникновение конкретного типа культуры всегда обусловлено уникальной комбинацией факторов, определяющих специфическое проявление этих трех свойств.

Идеология как упрощенная и прагматичная форма культуры, сознательно проектируемая, как правило, государством для целей управления обществом, может находиться в разных отношениях с национальной культурой. По указанным критериям, например, идеология может (а) сужать культурное поле вплоть до полной блокировки его в идеологической сфере, (б) наращивать формы ценностного самоопределения в ходе модернизации, (в) создавать новые ценностные контуры, явно или неявно отрицая или абсорбируя сложившиеся, или позиционируясь как сугубо прагматическая, нейтральная к культуре сущность. Любой из этих вариантов связан с эволюцией институтов культуры и их носителей.

Тип общественной культуры, адекватный технологическим условиям индустриального развития и основанный на доминировании производственных взаимодействий, а также иерархически-функциональных отношений в организации и управлении производством, может быть определен как технократический. Ключевыми особенностями данной культурной модели являлись концентрация организаторских и творческих функций в руках узкоспециализированных групп и доминирование жесткой субординации. Эти черты во многом формировались под влиянием требований военного времени и интересов военно-промышленной экспансии, которая нуждалась в конструировании образа внешнего и внутреннего врага. Это привело к дополнению геополитического и геоэкономического соперничества двух мировых систем, включая страны третьего мира, идеологическим противостоянием, ставшим системообразующим фактором. Однако в 1980–1990-е годы начался переход к новому технологическому укладу, основанному на росте наукоемких отраслей, определяющих конкурентоспособность экономик и обороноспособность государств. Данный переход стимулировал формирование инновационной культуры в обществах, претендующих на значимую цивилизационную роль. Ее ключевыми ценностями стали творческий поиск, гибкость организации, ориентация на нововведения, интенсивность коммуникаций, уважение к самобытности индивидов и групп, а также самостоятельность. Технологическая база новых отраслей объективно предопределила высокую склонность к новаторству занятых в них специалистов. В этом контексте «шоковые реформы» 1990-х годов могут рассматриваться не только как адаптация к системному кризису или метод трансформации властных институтов, но и как попытка формирования предпосылок для инновационной экономической культуры. Однако оценка данного процесса остается неотделимой от вопроса о его исторической цене — социальных, экономических и культурных издержках, сопровождавших переход.

В эволюционном контексте ценностно-мировоззренческая ситуация в России сформировалась под влиянием хаотического движения между различными социальными ориентирами начиная с 1980-х годов. Системный кризис СССР и распад прежней идеологической системы привели к ценностно-смысловому вакууму и возникновению хаотической динамики социальных устремлений, где не существовало предопределенности доминирования какой-либо из концепций. Однако четыре фактора оказали определяющее влияние: безопасность, включенность во внешнюю хозяйственно-политическую среду, эволюция системы собственности и структура власти внутри страны. Поверхностно эти факторы сформировали ситуацию социального выбора, первоначально сводившегося к двум дихотомиям: интеграция в западное цивилизационное пространство против автаркии и капитализм против социализма. При этом большинство дискурсов последних четырех десятилетий остаются в рамках этой системы координат, где с учетом параметров безопасности и внешнего позиционирования (суверенитет) совершаются действия, определяющие траекторию ценностной эволюции. С точки зрения свойств культуры, критически важных для экономического успеха в переломные периоды, именно высокая аккумулятивность, то есть сохранение и адаптация опыта, изменчивость, включающая способность к трансформации, и мобилизационный потенциал играют решающую роль в обеспечении динамичного развития. Для формирования инновационной культуры, отвечающей задачам развития и безопасности, необходимо целенаправленное воздействие, включающее формирование соответствующих ценностей, восстановление ценности добросовестного труда во всех секторах экономики и создание институциональных условий для реализации культурного потенциала.

Государственные институты обладают значительным потенциалом воздействия на эволюцию культуры, прежде всего через два ключевых направления: формирование целевых установок и управление процессами социализации. Исторически и структурно именно государство было призвано формулировать и воплощать общенациональные интересы, определяя стратегические ориентиры развития. Однако в современных условиях провести четкую границу между компетенциями государственных и негосударственных субъектов управления в сфере целеполагания становится все сложнее, поскольку этот процесс испытывает влияние разнонаправленных интересов различных сил.

Ключевой вызов в эволюции современной российской культуры коренится в глубокой неоднородности социальной структуры общества, которая в современных терминах описывается через призму социальных кластеров (Макаров 2010, с. 145, 150). Суще-

ственной особенностью данного подхода является признание того, что различные кластеры, такие как военные, чиновники, предприниматели, научное и педагогическое сообщество, медицинские работники, творческая интеллигенция, обладают собственными субкультурами, неписаными кодексами поведения и специфическими системами ценностей. Эта неоднородность систематически недооценивается при разработке управленческих стратегий. Упрощенные представления о «рынке» и «демократии» порождают унифицированные управленческие подходы, которые на практике требуют постоянных корректировок через «уникальные решения» и исключения из общих правил. Тем не менее инерция унификации сохраняет значительное влияние. Между тем научный аппарат анализа неоднородности достаточно развит как в мирохозяйственном, так и в технико-экономическом измерении. Например, ключевой особенностью советской экономической модели была низкая скорость вытеснения неэффективных и устаревших производств. Это вело к масштабному перерасходу ресурсов на их поддержание, что, в свою очередь, снижало общую производительность труда и негативно влияло на ценностные ориентации общества. Научные исследования выявили сосуществование «массового» и «качественного» замкнутых ресурсных контуров, что позволяло достигать выдающихся результатов в критически важных сферах при идеологической поддержке научно-творческого и самоотверженного труда. Эти исследования легли в основу концепции «блочно-иерархической структуры» экономики и общества, фиксирующей слабую пересекаемость различных слоев экономической и социальной активности (см.: Чернавский, Старков, Щербаков 2016). Неоднородность пронизывала и административно-территориальную организацию СССР, порождая значительные дисбалансы между союзными республиками в объемах производства и потребления, что в итоге стало одним из факторов системного кризиса в идеологической сфере.

В целом ценностный сдвиг в сторону материализма, произошедший в период 1980–2010-х годов, оказал глубокое деструктивное воздействие на систему ключевых ориентиров, формировавших мировоззрение и поведение россиян. Интегральным проявлением перехода к рыночной экономике стало экзистенциальное обессмысливание прежних идеалов, на которых основывалась жизнь большинства советских людей. Доминирующими ценностями стали радикальный индивидуализм, ориентированный на достижение успеха любой ценой через власть, обогащение и славу, и материализм, утвердивший приоритет материального благополучия над творческой самореализацией, семейным счастьем или поиском духовных истин (Грушин 2001).

К 2010-м годам структура жизненных смыслов претерпела значительную трансформацию. По шкалам «мещанство — антимещанство» и «эгоизм — коллективизм» массовые предпочтения сместились в сторону коллективистских и антимещанских установок. При этом лишь около половины респондентов оценивали свое материальное положение как удовлетворительное, треть населения — скептически относилась к своему социальному статусу. Ключевыми ориентациями стали семья и здоровье, вытеснившие глобальные идеалы типа «мира во всем мире». Более 90% населения выражали тревогу по поводу морального состояния нации. Парадоксальным образом, при том что большинство признавало доминирование установок на владение капиталом как гарантию успеха, влияние связей для карьерного роста и коммерциализацию СМИ, будущее страны россияне связывали с идеалами справедливого общества, стабильности и возвращением России статуса великой державы. Это свидетельствует о формировании сложного ценностного синтеза, где критическое восприятие текущей реальности сочетается с запросом на возрождение коллективистских и государственнических идеалов (Жизненный мир россиян 2016, с. 44).

Ценностная консолидация, необходимость которой возрастает в условиях усложнения военно-политической, социально-экономической и демографической обстановки, будет определяться реально значимыми проблемами общества. В этом контексте можно прогнозировать усиление значимости идеалов справедливости и более позитивное восприятие ценностей творчества. Ценность личности, вероятно, будет возрастать не в противопоставлении, а в синергии с идеалами солидарности и развитой этики ответственности. Данный тренд создает вызов для узкоутилитарной интерпретации либерализма с его акцентом на правах человека при нивелировании обязанностей. Примечательно, что усиление социального контроля с применением цифровых технологий также работает в этом направлении, объективно способствуя большей регламентации поведения. Фундаментальной идеей ценностного дискурса становится преображение — концепция, которая предполагает ответственность за природу, общество, себя и близких, а также за осознанное использование личных талантов. Это подразумевает творчество, направленное на формирование конструктивных и многоуровневых смыслов жизни.

Выводы

Проблема интеллекта вообще и искусственного интеллекта в частности в контексте эволюции ценностных ориентаций и систем

управления указывает на назревающую мировоззренческую революцию. Эта революция изменяет существующие представления о фундаментальных аспектах бытия, включая сущность жизни, природу интеллекта, сознания и общества, в условиях присутствия быстро развивающегося «искусственного разума». Онтология систем искусственного интеллекта подчеркивает сложность не только процессов эволюции различных состояний систем, но и высокую значимость факторов неопределенности, неопознанности и принципиальной непознаваемости.

Задачей стратегического управления является выведение управляемой системы на целевые параметры поведения для достижения состояния, соответствующего жизненно важным интересам и ценностным идеалам общества. Однако сам объект управления представляет собой множество элементов, частично учитываемых субъектом управления и обладающих способностью к самоорганизации и достижению самоупорядоченных состояний. Любые организационные структуры находятся в состоянии перманентной эволюции. Изменения происходят непрерывно через процессы коэволюции, вызывая как увеличение соответствия и способности некоторых видов деятельности к выживанию и рекомбинации, так и исчезновение отдельных форм деятельности. Задача управления сводится к наращиванию взаимодействий и расширению управляемой коалиции агентов при предотвращении перехода системы в критическое состояние, где возмущения могут вызвать стагнацию, кризис или катастрофу.

Ключевой вопрос управления в такой среде состоит в определении, какие задачи могут быть алгоритмизированы и автоматизированы, теряя возможность «ручного вмешательства», а какие останутся принципиально непрограммируемыми. Экспансия ИИ в общество и системы государственного управления происходит в полиморфной культурной среде, содержащей как конструктивные, так и деструктивные ценности. Цифровизация проникает во все социальные слои, воспроизводя «естественное разнообразие» со всеми вытекающими социально-этическими последствиями, что ярко иллюстрируется всплеском киберпреступности. Это актуализирует проблематику формирования целевого ценностного образца в массовом сознании. Однако теперь это происходит через генеративные модели ИИ, которые нарастающими темпами транслируют заданные онтологические установки, незаметно трансформируя поведение и ценностные ориентации (Агеев, Логинов, Шкута 2020). Параллельно ИИ активно внедряется в практики государственного управления. Все это создает фундаментальные вызовы способности общества сохранять и развивать условия своей жизнеспособности как сложных человеческих многоагентских систем, находящихся в коэволюции с природными и техногенными структурами.

Финансирование / Funding

Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2025-0002 «Культурно-ценностный аспект цивилизационного позиционирования России: образы прошлого и актуальные вызовы»).

The article was prepared at the State Academic University of the Humanities as part of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic no. FZNF-2025-0002 «Cultural and value aspect of Russia's civilizational positioning: images of the past and current challenges»).

Список источников / References

Агеев А. И. (1991) *Предпринимательство: проблемы собственности и культуры (1-е изд.).* М.: Наука.

— Ageev A. I. (1991) *Entrepreneurship: problems of property and culture (1th ed.).* Nauka. (in Russ.)

Агеев А. И. (2016а) *Предпринимательство: проблемы собственности и культуры (4-е изд.).* ИНЭС-РУБИН.

— Ageev A. I. (2016) *Entrepreneurship: problems of property and culture (4th ed.).* INES-RUBIN. (in Russ.)

Агеев А. И. (2016б) *Смена гегемона*. ИНЭС.

— Ageev A. I. (2016) *The change of hegemon.* INES. (in Russ.)

Агеев А. И. (Ред.) (2018) К «цифре» готов? Оценка адаптивности высокотехнологичного комплекса России к реалиям цифровой экономики. ИНЭС. *Экономические стратегии*, (2).

— Ageev A. I. (Ed.) (2018) Ready for the "digital"? Assessment of the adaptability of Russia's high-tech complex to the realities of the digital economy. INES. *Ekonomicheskie Strategii*, (2). (in Russ.)

Агеев А. И., Логинов Е. Л., Шкута А. А., Голублев А. А. (2019) Цифровая навигация в матрице реальностей: оперирование бифуркационными траекториями движения ключевых точек будущего на «дереве» ветвящихся событийных цепочек. *Экономические стратегии*, 21(5), с. 48–57. EDN: CRRNZN. https://doi.org/10.33917/es-5.163.2019.48-55

— Ageev A. I., Loginov E. L., Shkuta A. A., Golublev A. A. (2019) Digital navigation in the matrix of realities: operating bifurcation trajectories of key points of the future on the "tree" of branching event chains. *Ekonomicheskie Strategii*, 21(5), pp. 48–57. https://doi.org/10.33917/es-5.163.2019.48-55

Агеев А. И., Логинов Е. Л., Шкута А. А. (2020) Нейрооперирование поведением когнитивных агентов на основе электронной семантической интерпретации состояний сознания и психики с эффектами погружения, присутствия и единения виртуальной реальности. *Микроэкономика*, № 1, с. 5–12. EDN: CRRNZN.

Городничев А. В., Карнаухова А. В., Кривцова О. А. и др. (2020) *Социально-экономические аспекты внедрения искусственного интеллекта*. Айти Сервис.

— Gorodnichev A. V., Karnaukhova A. V., Krivtsova O. A. et al. (2020) *Socio-economic aspects of artificial intelligence implementation.* Ayti Servis. (in Russ.)

Грушин Б. А. (2001) *Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева*. Прогресс-Традиция.

— Grushin B. A. (2001) *Four lives of Russia in the mirror of public opinion polls. Life the 1st. The Khrushchev era*. Progress-Traditsiya. (in Russ.)

Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1990-х — середина 2010-х годов) (2016). Под ред. Ж. Т. Тощенко. ЦСП и М. С. 44–47.

— *The lifeworld of Russians: 25 years later (the end of the 1990s — the middle of the 2010s)* (2016). Zh. T. Toshchenko (Ed.). CSP i M. Pp. 44–47. (in Russ.)

Каляев И. А. (2019) Искусственный интеллект: камо грядеши? *Экономические стратегии*, 21(5), pp. 6–15. EDN: AEDBYI. https://doi.org/10.33917/es-5.163.2019.6-15

— Kalyaev I. A. (2019) Artificial intelligence: quo vadis? *Ekonomicheskie Strategii*, 21(5), pp. 6–15. https://doi.org/10.33917/es-5.163.2019.6-15. (in Russ.)

Каляев И. А. (2024) Искусственный интеллект и суперкомпьютерные технологии. *Экономические стратегии*, 26(2), с. 42–53. EDN: YNZWEC. https://doi.org/10.33917/es-2.194.2024.42-53

— Kalyaev I. A. (2024) Artificial intelligence and supercomputer technologies. *Ekonomicheskie Strategii*, 26(2), pp. 42–53. https://doi.org/10.33917/es-2.194.2024.42-53. (in Russ.)

Кукшев В. И. (2020/1) Цифровая экономика: проблемы и решения. *Экономические стратегии*, 22(5), с. 51–57. EDN: YXSEDR. https://doi.org/10.33917/es-5.171.2020.51-57

— Kukshev V. I. (2020) Digital economy: problems and solutions. *Ekonomicheskie Strategii*, 22(5), pp. 51–57. https://doi.org/10.33917/es-5.171.2020.51-57. (in Russ.)

Кукшев В. И. (2020/2) Классификация систем искусственного интеллекта. *Экономические стратегии*, 22(6), с. 58–67. EDN: KPAUJJ. https://doi.org/10.33917/es-6.172.2020.58-67

— Kukshev V. I. (2020) Classification of artificial intelligence systems. *Ekonomicheskie Strategii*, 22(6), pp. 58-67. https://doi.org/10.33917/es-6.172.2020.58-67. (in Russ.)

Макаров В. Л. (2010) *Социальный кластеризм: российский вызов.* Бюджет.

— Makarov V. L. (2010) *Social clusterism: The Russian challenge*. Byudzhet. (in Russ.)

Мэтьюз Р., Агеев А., Большаков З. (2003) *Новая матрица, или Логика стратегического превосходства.* ОЛМА-Пресс.

— Matthews R., Ageev A., Bolshakov Z. (2003) *The new matrix, or The logic of strategic superiority*. OLMA-Press. (in Russ.)

Овчинников В. В. (2017) *Дорога в мир искусственного интеллекта.* ИНЭС-РУБИН.

— Ovchinnikov V. V. (2017) *The road to the world of artificial intelligence.* INES-RUBIN.

Овчинников В. В. (2018) История конструирования искусственного интеллекта. *Экономические стратегии*, 20(3), с. 48–55. EDN: XOUAEH

— Ovchinnikov V. V. (2018) History of artificial intelligence design. *Ekonomicheskie Strategii*, 20(3), pp. 48–55. (in Russ.)

Приходько С. Э., Шевченко В. Н. (2011) *Переписка Президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина с главами государств и правительств. 1996–1999: В 2 т. Т. 1: Австралия — Монголия*. Большая Российская энциклопедия.

— Prikhodko S. E., Shevchenko V. N. (2011) *Correspondence of the President of the Russian Federation Boris Nikolayevich Yeltsin with heads of state and governments. 1996–1999: In 2 vols. Vol. 1: Australia — Mongolia*. Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya. (in Russ.)

Рамзе В. Б. (1985) *Личное потребление в Японии*. Наука.

— Ramzes V. B. (1985) *Personal consumption in Japan*. Nauka. (in Russ.)

Сплетенный мир: кошка перевернулась. Доклад Римскому клубу: резюме. (2023) МНИИПУ.

— The woven world: the cat has flipped. A report to the Club of Rome: summary. (2023) MNIIPU. (in Russ.)

Чернавский Д. С., Старков Н. И., Щербаков А. В. (2016) *Естественнонаучная концепция в теоретической экономике.* М.: **Ц**ентр социально-экономического прогнозирования им. Д. И. Менделеева.

— Chernavsky D. S., Starkov N. I., Shcherbakov A. V. (2016) *Natural science concept in theoretical Economics.* Moscow: D. I. Mendeleev Center for Socio-Economic Forecasting. (in Russ.)

Шевалдина Е. И. (2025) *Государственная и муниципальная служба в эпоху искусственного интеллекта: новые возможности*. УГНТУ.

— Shevaldina E. I. (2025) *Public and municipal service in the era of artificial intelligence: new opportunities.* UGNTU. (in Russ.)

Юхно А. С. (2020) Использование искусственного интеллекта и робототехники в период цифровой трансформации бизнеса: автоматизация рабочих мест. *Страховое дело*, (2), с. 47–53. EDN: HMWVGE.

— Yukhno A. S. (2020) The use of artificial intelligence and robotics during the digital transformation of business: workplace automation. *Strakhovoe delo*, (2), pp. 47–53. (in Russ.)

Andrews P., Sousa T., Haefele B., Beard M., Wigan M., Palia A., Reid K., Narayan S., Dumitru M., Morrison A., Mason G., Jacquet A. (2022) *A Trust Framework for Government Use of Artificial Intelligence and Automated Decision Making.* arXiv. https://doi.org/10.48550/arXiv.2208.10087

Bullock J., Hammond S., Krier S. (2025) *AGI, Governments, and Free Societies.* arXiv. https://doi.org/10.48550/arXiv.2503.05710

Cath C., Jansen F. (2022) Dutch Comfort: The Limits of AI Governance through Municipal Registers. *Techné: Research in Philosophy and Technology*, 26, pp. 395–412. https://doi.org/10.5840/techne202323172

Goldsmith S., Yang J. (2025) *AI and the Transformation of Accountability and Discretion in Urban Governance.* arXiv. https://doi.org/10.48550/arXiv.2502.13101

Hernandez G., Muench M., Maier D. et al. (2022) *FirmWire: Transparent dynamic analysis for cellular baseband firmware. Proceedings of the Network and Distributed System Security Symposium (NDSS).* https://doi.org/10.14722/ndss.2022.23136 (дата обращения: 27.08.2025)

Kawakami A., Coston A., Heidari H., Holstein K., Zhu H. (2024) *Studying Up Public Sector AI: How Networks of Power Relations Shape Agency Decisions Around AI Design and Use. Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction,* 8(CSCW), Article 268, pp. 1–24. https://doi.org/10.1145/3686989

Engin Z. (2025) *Human-AI Governance (HAIG): A Trust-Utility Approach.* arXiv. https://doi.org/10.48550/arXiv.2505.01651

Raikov A. N., Pirani M. (2022) *Human-machine duality: What's next in cognitive aspects of artificial intelligence?* IEEE Access, 10. https://doi.org/10.1109/ACCESS.2022.3177657

Об авторах / About the authors

Юхно Александр Сергеевич — Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия, кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник научно-инновационного управления; Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия, заведующий кафедрой государствоведения Института государственной службы и управления. Научные интересы: государственное управление, искусственный интеллект, онтологическое моделирование, человеческий капитал, цифровая экономика.

https://orcid.org/0000-0003-2999-2982. E-mail: metod-centerORG@gaugn.ru

Alexander S. Yukhno — State Academic University of Humanities, Moscow, Russia, PhD in Law, Associate Professor, Senior Researcher in Scientific and Innovative Management; Russian Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, Head of the Department of Stateness at the Institute of Public Administration and Management. Research interests: public administration, artificial intelligence, ontological modeling, human capital, digital economy.

https://orcid.org/0000-0003-2999-2982. E-mail: metod-centerORG@gaugn.ru

Агеев Александр Иванович — Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия, доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник научно-инновационного управления. Научные интересы: геополитика, интеграционные процессы, информационные системы поддержки управленческих решений, проектное управление, технологическое развитие.

https://orcid.org/0000-0002-2826-2702. E-mail: ines@inesnet.ru

Alexander I. Ageev — State Academic University of Humanities, Moscow, Russia, Doctor of Economics, Professor, Leading Researcher of Scientific and Innovative Management. Research interests: geopolitics, integration processes, information systems for supporting management decisions, project management, technological development.

https://orcid.org/0000-0002-2826-2702. E-mail: ines@inesnet.ru